

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

С ГОРЫ НЕВО

Восьмая книга стихотворений

Дорогим Вioлетте Швурт и Василию Павловичу
в воспоминание о "парижской поездке".

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕДЕШИН

Валерий Торжешинский.

7 апреля 1976 гдн.

С ГОРЫ НЕВО

Восьмая книга
стихотворений

1975

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

С ГОРЫ НЕВО

Восьмая книга
стихотворений

1975

*Моей матери
Евгении Александровне
Сентяниной*

© by V. Pereleshin, 1975
Printed by Possev-Verlag, V. Goradiek KG.
Frankfurt/Main

«И говорил Господь Моисею... и сказал: Взойди на сию гору Аварим, на гору Нево, которая в земле Моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, которую Я даю во владение сынам Израилевым. И умри на горе, на которую ты взойдешь.» Втор. XXXII, 49-50. «Перед собою ты увидишь землю, а не войдешь туда.» Втор. XXXII, 52.

СССР

Ты — скифское раздолье ураганам,
Ты — с полюса сползающий ледник,
На хрупкие миры машин и книг
Ощеренный морозом и туманом.

Медвежьих лап ни племенам, ни странам
Не избежать: святоша, ростовщик,
Помазанник — и гнусный еретик,
Ты верх возьмешь где силой, где обманом.

Твоим врагам я по привычке лгу,
Себе же лгать я больше не могу,
Но, русскостью спозоренный с тобою,

Как с дедовской болезнью, как с горбом,
Троянец сам, разрушить эту Трюю
Хотел бы я, измученный стыдом!

РОДИНА

Младенцем ты покинул свой Байкал,
но, странствуя, всё родины искал,
как будто там, где сердце ты забыл,
не только снег и ветер между скал.

РАВНИНА

Ты издали — пустая котловина
Безглазая, без цвета, без лица,
Ты олово без острого зубца,
Натертое до гладкости сатина.

Вмещала ты отравленные вина
Во здравие то плута, то слепца,
Покорная — без края, без конца,
Неровная — неравная — равнина.

Под рокоты великой ектеньи
Не струпя ли ты прятала свои,
Расселины, уступы и овраги,

Свои столпы, ворота и кремли?
Так, лепеча о баснословном благе,
Ты хныкала и ползала в пыли.

**
*

Ангара, снегопад, рекостав.
Люди, сухо плечами пожав,
говорили: — Безрадостный вид!
Даже солнце его не живит.

Правда: зябнут осины в саду,
да ворона чернеет на льду.
От окна отошел я давно
и плотнее завесил окно.

Если ж ветер кайму теребит
занавески — изгоя знобит,
и мелькают, и пляшут с утра
рекостав, снегопад, Ангара.

УРОК

Чтоб жить в СССР, потребен дар особый:
Иди, но не взлети; ползи, но не пойди,
Сотри себя в ничто — и этим угоди
Молоху-палачу — химере меднолобой.

Тот гой, а тот изгой? Скорее брызгай злобой,
Чернилами, слюной, но сам их не суди:
Их прокляли давно мудрейшие вожди,
А вожаков судить ты даже и не пробуй!

Оставь себе одну безрадостную цель:
В подполье отсидись, забейся глубже в щель,
Где не гостят лучи голубооких высей.

Иначе ждет тебя недобрая судьба:
Ты помнишь, как тиран, мудрейший Дионисий,
Гуляя, обивал высокие хлеба?

КАРУСЕЛЬ

Моя постель сегодня — не постель,
А удивительная карусель.

Лошадки и коляски предо мной,
И на лошадке еду я домой.

Скачи, о деревянный мой Пегас,
Чтобы закат веки не погас!

Лети назад, в безоблачные дни
И навсегда ушедших догони.

Что для тебя один десяток лет
И что — коротенькое слово «нет»?

Была страна... Но будет ли когда?
Скачи, Пегас, неси меня туда!

Как радостно прийти издалека
В дом, что потом был продан с молотка.

И в этот сад — запущенный пустырь —
Что после был застроен вдоль и вширь.

Оставь меня в стране, где только «да»,
Где дом и сад останутся всегда.

Оставь меня... Но, сделав полукруг,
Меня промчал ты мимо нежных рук.

Жестокий конь, бессовестный Пегас,
Ты скрыл меня от ненаглядных глаз.

Крылатый враг, туда хочу назад,
Где прочен дом, где не застроен сад.

Я не пойду обратно в дом не свой,
В печальный город, в год сороковой,

Где на подушке я в жару... Ужель
Всё только сон и бред — и карусель?

СТЫД

Россия! Немало твоих поэтов
Ошиблось в пророчествах о тебе,
Сочувственно видя в твоей судьбе
Струенья каких-то нездешних светов.
И нынче, когда ты грозна, горда,
Я плачу от боли и от стыда.

ПЕРВОЕ МАЯ

Уже давно святая Вальпургия
Присвоена для праздника весны:
На Броккене сходились колдуны
Суровые и женщины нагие.

Постыдная свершалась литургия
На их телах во славу сатаны.
Те выдумки нам кажутся смешны:
У нас теперь мистерии другие!

На серые просторы площадей
Идут войска и тысячи людей
Орать, вопить, знамена поднимая,

Да стискивать потуже кулаки.
Но первый день языческого мая —
Всё тот же пир безверья и тоски.

**
*

Никакого отечества!
(Вместе с картою скомкав
мужество, молодечество,
поколенья потомков).

Это — как вам изволится:
в жалостности смешка
шило ржавое колетя
сквозь рогожу мешка.

ОБРАЗЕЦ

*«О, скольких ты, Россия, проглядела
Из-за твоих нетающих снегов!» —*
С болотистых, пологих берегов
И холмиков разбухшего удела.

Ты на себя наглазники надела,
Мир сузила до крупов и хвостов,
Шей и вожжей, кнутов и хомутов,
До стадности, до скуки передела.

Не видишь ты, что есть за рубежом
Богатыри в краю, тебе чужом —
Не жалкие подпаски Евтушенки,

И гордо ржешь — под гомон бубенцов —
Что Колыма и красные застенки
Прекраснее заморских образцов!

СЛЕПОЙ

Победами в борьбе идеологий
Испещрены листки календаря, —
Но лучше ли убитого царя
Бесцарствия истолкователь строгий?

Не ливень ли, не «шум ли ветра многих»
Тебя загнал на бровку пустыря?
Слепой, идешь — и без поводыря,
Без костыля — бродяга одноногий!

Вокруг тебя дождливо и темно,
А прошлое любить воспрещено,
Где были Бог и выгнанные братья.

Поверив лжи и мертвым словесам,
Изъятьями, разъятьями — объятья
Ты заменить хотел тогда и сам!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда из сумрачной Сибири
меня Россия позвала,
дорога, будто, стала шире
и ровной скатертью легла.

И всё же наяву вернуться
опасным показалось мне,
но захотелось оглянуться
на детство дальнее во сне.

... Чита. Я на второй площадке
дом незабвенный разыскал:
в саду — картофельные грядки,
а во дворе — обрезки шпал.

Охранник сторожит ворота
винтовкой, саблей и штыком:
тащить и не пущать кого-то
он собирается в партком!

От дома уцелели стены,
от лиственницы — черный пенёк.
Зачем же лгали мне сирены
про ту, нетленную сирень?

Так вот родное пепелище:
дом обесчещен, сад изрыт...
Бездомен возвращенец нищий,
по-детски плачущий навзрыд.

В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

На улице ощерился мороз,
А у тебя в натопленной столовой,
Игрушкой обрадованный новой,
Сынишка твой пускает паровоз.

«Пых-пых, ту-ту!» Под мóнотонь колес
Всё дальше мир уходит седобровый,
Мир гарнцевый, фунтовый и вершковый,
Мир гордости и зависти, и слез.

«Ту-ту, пых-пых!» А за пушистой далью
Лечу и я вдогонку дофевралью:
Довольно мне недели световой,

Чтоб наверстать верченье круговое
И обогнать и паровозик твой,
И тусклый сон о будущем покое.

Р А Й

Не смеясь, не играя,
самодельного рая
мы достигли сегодня —
не подарка Господня.

Человека достойней
не бананы, не груши,
а забитые бойней
неуклюжие туши.

Никаких незабудок,
одуванчиков тоже:
мы за сытый желудок,
за двuspальное ложе.

— «Ну, а детские муки?» —
вторгся голос ворчливый
против нашей науки
человеколюбивой.

— «Сгнил, — сказал Достоевский, —
в Тампле сын королевский,
но тягчайшая ноша —
гемофилик Алеша.»

ОКОМ КАССАНДРЫ

Всего больней недобрым быть пророком,
Пугать войной — кровавой кутерьмой,
Разлуками, утратами, тюрьмой,
Отплаканным и вновь продленным сроком.

С Кассандрою я вижу общим оком
Уютный морг, пропахший сулемой,
Снесенный дом, — а ты пришел домой
(Ни лечь, ни сесть, а признан лежебоком).

О матери ты спросишь, о жене —
Я промолчу. О сыне, о родне —
Я выдавлю пустые междометья.

Но не дрожи и пальцы расцепи,
Мой маленький! Немножко потерпи:
День или год. Не более столетья.

ИЗГНАННИК

С одной стороны Гродеково,
с другой — зажимом — Отпор,
а между ними и некого
было любить с тех пор.

Страшилищу ли безвекому
ты мог предаться в ночи?
Ведь больше молиться некому:
ночь сильнее свечи.

Взор остановил бы — не на ком,
а разговориться не с кем.
Настигнут окриком резким,
тихо скули щенком.

ПЕКИН

В колеснице моей лечу
над землей на четыре «чи»,
и закутан я не в парчу,
а в одежду из чесучи.

Вновь Наньчицза передо мной:
это улица или лес?
Столько вязов над головой
в непроглядный срослось навес!

Ночь, весна. От земли тепло.
Эта улица — «чжи жу фа»:
выпеваается набело
поэтическая строфа.

Чесучи своей не помни,
возвращенец издалека:
помни — крылья только одни
на бесчисленные века.

А теперь колесницу сна
задержи, ночной пилигрим:
это свет из того окна,
что когда-то было твоим.

КОРИННЕ ПСАКЯН

Не наяву, но с верностью старинной
В китайские вхожу я города
И много слез я приношу туда,
В печальный край, медлительный и чинный.

И там — во сне — пред милою Коринной
Склонясь во прах, сгораю от стыда:
Ведь ей одной сонета никогда
Я не сложил... Но прихожу с повинной —

Или с венком из поздних георгин
В тот маленький, в тот серенький Харбин,
Где молодость почила золотая,

Бессмертная лишь в памяти моей.
Но там же Вы, волшебница Китая,
Жемчужина невозвратимых дней.

СОТЫЙ

Укрыт от бурь Великою Стеной,
Любил я ночь и запах книжных полок,
А в памяти, младенчества осколок,
Синел Байкал, плеща голубизной.

Так вырос я, всегда полубольной,
Посредственный, поверхностный синолог,
Но с юных лет чахотки едкий щелок
Снедал меня, особенно весной.

Бразилия зелено-золотая,
Меня сманив за море из Китая,
Не вознесла, но это не в укор:

Здесь принял я державный сан Поэта,
И здесь, крутой судьбе напереспор,
Мы дожили до сотого сонета!

ОГЛЯДКА

У российских поэтов звуки
все в один — мажорный — подбор:
не позволит занять от муки
на Москву устремленный взор.

Места нет в идиллии сладкой
элегическому стиху.
Вот и пишут они с оглядкой:
что-то скажут там, наверху?

Но и мы не живем по воле:
ведь и нам, под обрыв скользя,
о безверьи, тоске и боли
в полный голос кричать нельзя.

Лучше жернов тащить огромный,
чем других научить греху.
Вот и пишем с оглядкой скромной:
что-то скажем там, наверху?

ГОСТЬЯ

Над Атлантической равниной
звезда вечерняя зажглась,
и снова лапкою мышьиной
ты в дверь пугливо поскреблась.

Всё та же ты. Но разным музам
несходные даны черты:
к Шекспиру, помнишь, Вилли Хьюзом,
краснея, подходила ты.

Одним ты пела эпиграммой,
другим — струеньем томных строк.
Камозэнса Прекрасной Дамой
ты снаряжала на восток.

Ты шаловливой итальянкой
сводила Пушкина с ума.
С Ахматовой была смуглянкой,
а музою — она сама.

Ты с Грибоедовым шутила,
револьвер Фету поднесла,
гусар и юнкеров любила,
но Лермонтова предала . . .

Эпоха наша стала мелкой,
и ты давно не глубока.
Но вот старушкой-богаделкой
ты вырвалась из-под замка.

Зачем? В моей России странной
нет юношеского огня:
но заходи и будь желанной
вечерней гостьей у меня.

ОТВЕТ

Р. Б.

Люблю стоять над пропастью морской,
Где, спрятавшись под выплесками пены,
Веселые тритоны и сирены
Увлечены беспечной чехардой.

Но голос ваш противоклдовской,
Перелетев через моря и стены,
Корит меня подобием измены,
Зовет забыть налаженный покой.

Ужель теперь, у сумрачной эпохи
Иной судьбы вымаливая крохи
Наперекор нарядному плащу,

Того, кто мне сквозь чары океана
Принес цветок засушенный емшана,
Без доброго ответа отпущу?

ПОДКИДНАЯ СУДЬБА

В сотый раз: — «Неуклюжий подкидыш,
Не болтайся на месте чужом!»

На большую дорогу ты выйдешь
С одиночеством, а не с ножом,
И пройдешь до конца. И увидишь,
Что ты все-таки за рубежом.
И поникнешь: теперь отдохнуть бы!

Подкидными бывают и судьбы.

ПОЛУСТАНОК

Говорят: человек — не свинья, ко всему привыкает!
От привычки меня и щетина не уберегла,
И порою как будто линияль платочек мелькает
Боязливым намеком на цепи угла и тепла.

Я поужинаю, как обычно. Консервная банка
Для загадочной снеди, она же и для кипятка.
Посижу, подремлю. Без оглядки уйду с полустанка
И по шпалам дойду до другого: была — не была?

СЫНОВЬЯ

Нужны отечеству солдаты и матросы,
Ткачи, лесничие, строители дорог,
Нужны «Известиям» писцы лукавых строк,
Чтоб неуместные замалчивать вопросы.

В селе колхозники всё так же полубосы
И так же пьянствуют, хоть пьянство не порок, —
Теперь особенно: едва пропустишь срок,
За ним обрушатся и штрафы, и разносы.

Счастливей, может быть, пожизненный изгой?
Гляди: заброшенный судьбою в мир другой,
Бреду застенчивой походкой нелюдима —

И твой когда-нибудь пойму энтузиазм:
Назвав по дедушке, ты вырастишь Вадима,
И до зачатия истлеет мой Эразм!

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ

Клич обиды и мщения брошен:
о Россия, вернись на Восток!
Бредил Белый, и верил Волошин.
Сгорал серафический Блок.

К богдыханам, каганам, калифам
под охрану меча и копья
прибеги потревоженным скифом,
Россия, Россия моя —

Под защиту к распутицам, к топям
или, лучше, к пустыням нагим:
раздурачим тебя, разъевропим,
разниконим и распетрим!

БЛУДНЫЙ СЫН

Не всем дано бродить по ковылю
Близ мельницы и на пологом спуске
Прохожего приветствовать по-русски:
Об этом я и Бога не молю.

Я за морем — и всё же не делю
С бразильцами невидимой нагрузки:
Пусть милы им кашаса и закуски, —
От русского я хмеля во хмелю.

За столько лет с одной короткой встречи
Я не забыл самодержавной речи
И — от родных отбившийся поэт,

От правнуков любимейших поэтов —
Хочу прожить еще полсотни лет
И каждый год писать по сто сонетов!

К О Н Ъ

Давно заезженный Пегас —
наш Россинант — волочит ногу:
возьмет ли он с собою нас
в беспутную свою дорогу?

И даже прыти Горбунка
не хватит — назло океанам —
перешагнуть через века
к родным церквушкам деревянным.

И всё же конь, мы знаем, есть
в конюшне старого Морфея:
покрепче надо только сесть,
бичом ударить, не жалея.

Подышим запахом грибным
в бессолнечном бору сосновом,
чтоб снова утром кружевным
ожить под небом бирюзовым —

И, спрыгнув с легкого коня,
стыдливо слизывая слезы,
в разгул тропического дня
запрягать шорохи березы.

ОБРАТНЫЙ СОНЕТ

Назначено, чтоб листья ждали стебля
И до цветка не завязался плод,
И все-таки, *традиции колебля,*

Пишу, как ты, сонет наоборот
И, пользуясь предпраздничным затишьем,
Начну его удвоенным трехстишьем.

Мне нравится гомункул милый твой,
Дорвавшийся до хмелевой свободы,
Чтобы ходить, как ходят антиподы,
Ногами вверх и книзу головой!

Люблю его: он все-таки живой
И под надир подцепится на годы,
Как старые подлизы и уроды
(Турсун-Задэ, Хелемский, Островой).

В НАЧАЛЕ ЗАПОЯ

То ссорюсь, то пьянствую —
замашки изгоя:
по глобусу странствую
в начале запоя.

Верни мне, Бразилия,
природное право
взбегать без усилия
наверх и направо!

А там — гололедица,
оскомина святок,
и в небе — Медведица
пасет медвежаток.

ДЕЛЕЖ

(Из Шиллера)

Всё на земле давно поделено:
Поля разбил крестьянин на отрезки,
Охотник взял леса и перелески, —
Тетеревов и зайцев там полно!

От лучших лоз купец продаст вино,
Из рудников, звеня в граненом блеске,
Поднимутся запястья и подвески,
А пастбища произведут руно.

Сумятица всемирного раздела
Беспечного поэта не задела,
Но молвил Бог, стихи его любя:

— «Расхватаны, гляди, земные блага,
И где найдешь ты дом и стол, бедняга?» —
Смеясь, поэт ответил: — «У Тебя!»

ПЕРВОЕ ИЛИ ТРИНАДЦАТОЕ?

Не слушая трусливых голосов,
О гибели короны не скорбела
Бразильская принцесса Изабелла
И сделала свободными рабов.

•А на Руси лукавый хитрослов
Смущал умы посулом передела
И созывал для мстительного дела
Изменников, грабителей, воров.

Не милостью, не даром сердобольным —
Страна трудом кичится подневольным,
Своим кнутом и окриком горда.

А я, удел бразильца принимая,
Священный день свободного труда
Отпраздную тринадцатого мая!

ВОЗВРАЩЕНЦУ

Отмечен Каиновым знаком,
чужой для песен и людей,
ты рвешься к лютикам и макам
от лотосов и орхидей.

Здесь горы и моря другие,
явится лето в январе,
и гложет сердце ностальгия,
тоска о зимнем серебре.

А все-таки, рябине хилой
здесь было суше и вольней,
и отданы земле немилой
отростки робкие корней.

Ну, что же? Возвращайся с Богом
и, с русским воздухом в груди,
шагай по сбивчивым дорогам,
по гололедицам бреди.

И не заплачь, душой оттаяв,
пред верстовым столбом, один,
о дыме караван-сараяв
и невозвратности чужбин.

ИЗГОЙ

Изгнанником, бродягой, чужаком
Я прошагал по рытвинам и шпалам,
Но с верностью, хотя бы только в малом,
И с Пушкиным, читаемым тайком.

Останься же, Россия, родником,
Не слившимся с разливом небывалым,
И шелести — в обиду карнавалам —
Мне на́ ухо запретным шепотком!

Китай — любовь, Бразилия — свобода,
А только я не видел ледохода,
И соловей не пел в моем саду.

Я сыт, одет. И всё же нет желанья
На жимолость, рябину, лебеду
Наклеивать латинские названья!

С О Н

Мне снился среди туманов
сибирский сосновый бор:
большие клювы туканов
и попугаев подбор.

Там обезьяны кричали,
мельчили дятлы кору.
И я бродил без печали
в бразильско-русском бору.

Ласкал умиленным взглядом
уютный и мирный мир,
где с русским медведем рядом
бразильский грелся тапир.

Колибри вились над ивой,
над россыпью душистых трав,
где думал поспать ленивый
великолепный удав.

Не правда ли, лучший метод:
не выбрать, не изменить,
но в тайный зверинец этот
два мира объединить?

ВОРОНЫ

Влекомые поверженным гнездом,
«Как вороны над русским пепелищем»,
Соломинок да щепочек мы ищем,
Бьем крыльями, хрипим, грозим судом.

Кто захватил невыморочный дом,
Держи ответ пред собственником нищим:
Нацелившись моим огромным ртищем,
Я воровским не умилюсь трудом!

Мы вороны. Мы седые, но живучи.
На пустыре перерывая кучи,
На кладбище — разбитые гроба,

Мы, не боясь красножилетных пугал,
Глядишь, найдем от архитрава угол,
Мех ментика, подставку для герба.

ЖРЕБИЙ

Стоял бы я в России над Невой
И выбрал бы одну из перекладин:
Ведь я и там, бездомен и бесчаден,
В игру живых играл бы, неживой.

А здесь бреду по серой мостовой,
Но жребий мой высок и тем отраден,
Что, вопреки повизгиванью ссадин,
Бразилия, я сын приемный твой!

Твоя ль вина, что пришлецам усталым
Нельзя помочь разгульным карнавалом,
Когда твои природные сыны

Идут стеной, отшлепывая самбы,
А я смотрю на них со стороны
И слышу снег и пушкинские ямбы?

РАЗЛАД

Давно не споришь ты с судьбою,
и бормотания твои —
на «ты» — разлад с самим собою
взамен несозданной семьи.

Ворчишь: — «Уже в последней фазе
жизнь обреченная твоя,
как орхидея, в узкой вазе
агонизирующая.

Так пей за девушек хороших,
за ласковые имена
(еще вчера, в смешных галошах,
под зонтиком, прошла одна).

Какие там великолепья,
а все-таки «кашасу» пей,
чтоб не пришлось отдать отрепья
за вереск и полынь степей».

МОИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

(I)

Вот конь и пес, и солнце, и луна,
И дерево, и близ него орайт:
За красоту и строй замысловатый
Китайские люблю я письмена.

Звук утаен, а мысль обнажена
Где с остротой, где с мудростью крылатой:
Одно письмо, небесный дар богатый,
Восточные лелеют племена.

А нам даны лишь клетки алфавита:
Нет доступа к латыни от иврита,
И «альфабет» — не тот же «алфавит»:

Расправьтесь же с кириллицей моею,
Иначе дух она мне умертвит,
И я замру, оглохну, онемею!

МОИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

(II)

До самых плеч надвинута порфира,
Под бармами прекрасный спрятан лик,
И заглушен природный тот родник,
Что пел в ушах Гомера и Шекспира.

Им пенилась вневременная лира,
Он расцветал созвездиями книг:
Им оживлен и русский мой язык,
Которым я отъединен от мира.

Из варварских безжизненных пустынь
Завистливо взираю на латынь,
На алфавит ее международный,

Зову к себе искусных толмачей:
Пусть бриллиант откроют благородный
Под рубищем кириллицы моей!

ПРОФСОЮЗ

Нам ненавистны скопидомки:
за тощую вязанку дров,
за сухари на дне котомки
мы наняты пасти коров.

Знать, Полигимнии ворчливой
попались мы не в добрый час:
надменной и себялюбивой,
ей, дармоедке, не до нас.

С меня, с Суркова, с Евтушенки,
с Бетаки пот ручьями льет,
а барынька снимает пенки,
приплясывает и поет.

Полегче, милая, не топай —
графинь довольно нам и муз:
с тобой, с Эрато, с Каллиопой
договорится профсоюз.

Не лижем пяток мы буржуям
и толстосумам: с этих пор
мы классовым врагам диктуем
наш коллективный договор.

Теперь не только Смеляковы
и Лебедевы-Кумачи
получат к праздникам обновы:
ошейники да калачи.

Так, наша воля нерушима:
чтоб славу обретал поэт
не по заслугам подхалима,
а по трудам нелегких лет.

Мы загрохочем кулаками
и загогочем: — «Чёрт возьми,
довольно нам стесняться с вами,
работодательницами!»

ДВЕ МУЗЫ

Поэт Советского Союза
без домостроя ни на шаг:
его оглядчивая муза
не любит попадать впросак.

Без перечня идеологий
писать он вовсе бы не мог:
соврет — разнос получит строгий
и не конфетку, а шлепок.

Иное дело — мир изгоев:
плетут кощунственную вязь,
вождей кивка не удостоив,
и тонут, брода не спросясь.

Им с музой весело любезной:
всегда приветлива она
и деятельностью полезной
не переобременена.

ИЗГОЙ

Уходил всё дальше, всё западней
мимо зовов и западней.
От больших и недолгих плаваний,
от мельканья морей и гаваней
смутный образ тише, бледней
опускался на дно несытое.

Становился я сам бедней,
но тоска росла, и под ней
напоследок на склоне дней
воскресает почти забытое.

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Мы отщепенцы, но желаем,
чтоб родина была грозна,
как будто с первым Николаем
не стала пугалом она.

А дальше — царь-освободитель,
чья слава в летопись вошла —
поляков гордых усмиритель,
поправший Белого Орла.

Скача за ним, единоборец
тяжеловесный, на скаку
сорвал, притворный миротворец,
со всех друзей по лоскутку.

Россия больше не Россия,
но по преемству для нее
отрада — жалобы чужие
и лицемерие свое.

ДЕВИЗ

Flectimur non frangimur undis.

— «Вы молитесь о бренном, о немногом:

- медяках, о кровле, о еде,
- милости, о помощи в беде,
- будущем приземисто-убогом.

Но верьте нам, царям и мистагогам,
Что Божий дом не где-то на звезде,
А в памяти и в сердце, и везде,
И человек без Бога станет Богом.»

Клеветники, наверное, мудрей,
Но мы стоим у ветхих алтарей,
Священствуем и знаем: Бог над нами.

И на плечах повидавших риз
Читается упрямый наш девиз:
«Мы согнуты — не сломлены волнами».

РОДИНКА

Авроры, сосны, радуги, —
но зритель я плохой.
Литавры, громы, лозунги, —
а я почти глухой.

Но говора, но профиля
не скрыть, не изменить:
по родинке — и родину
легко установить!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты языка родного не догонишь, —
Уже давно он *вроде бы* не наш:
Проурубишь его, просабиашь,
В Бразилии Россию проворонишь.

Не прозвонишь, а попусту прозвонишь,
Продешевишь — беспомощный торгаш,
Хотя бы ты, ломая карандаш,
Стонал: «Пусти, отдай меня, Воронеж!» —

Брось Колыме, Игарке, Соловкам,
Но заодно и будущим векам
И воронам швырни мои страницы:

Пусть запоют на тающей земле
Нарядные тропические птицы
Наследникам, невидимым во мгле!

(Урубубу — бразильская птица из
семейства вороновых, сабиá —
певчая птица).

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Ров, островок. За медведицей бурой жметя
в угол тенистый и выводок медвежат.
Верно, теперь по камням семья разбредется?
Нет, и без клетки мирно зверьки лежат.

Гром отдаленный рокочет, пока несмело,
зной тяжелеет, сгущается пар в туман.
. . . А на скале Россия и Сакартвелo,
Polska, Lietuva, Eesti, Хайастан.

КРУГОЗОР

Перед окном всё уже пустыри:
Растущая бразильская столица
На жалкие оазисы косится
И срубит их. Готов держать пари.

А между тем, едва календари
Раз или два успеют обновиться,
Мой кругозор кремлем обогатится
И башнями во Пскове и Твери.

Сонетами откликнутся Самара
И степь вокруг Екатеринодара.
Пусть небоскреб мне солнце помрачил,

Наш уговор вы, дальние, храните
И помните, что вам я поручил
В бессмертие протянутые нити!

**
*

За свечой — в тени — Засвечье,
за шестком — в углу — Запечье,
за спиной — ничком — Заплечье,
за рекой — свистком — Заречье,
Заболотье, Задубровье,
Заозерье, Заостровье,
Забайкалье, Заангарье,
Забурунье, Заполярье,
Заамурье, Заонежье,
Заграничье, Зарубежье,
Забездомье, Заизгнанье,
Завеликоокеанье,
Забразилье, Запланетье,
За-двадцатое-столетье.

З О В

Я нездоров: опять нытье в предплечьи
Навеяно трамвайным сквозняком,
Но стану ли подобным пустяком
Будить тебя в твоём Замоскворечьи?

Ведь каждый раз — не на чужом наречьи,
Не на арго, жаргоне воровском —
Ты заглушал безгласным языком
Мой русский зов (и крик по-человечьи).

Ты обрубил антенны и мосты,
Прикрыл себя личиной глухоты,
Чтоб не узнать ни вызова, ни стука.

Но кто-нибудь отворит же гонцу
И сбережет для сына или внука
Мою тоску, мой плач, мою пыльцу!

ТРИ РОДИНЫ

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле, — месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.

Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
потом отбросила пинком.

И я, долгот не различая,
но зоркий к яркости обнов,
упал в страну шелков и чая,
и лотосов, и вееров.

Плененный речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..)
любовью полюбил несложной
вторую родину мою.

Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России — навсегда.

Опять изгой, опять опальный,
я отдаю остаток дней
Бразилии провинциальной,
последней родине моей.

Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нем, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОНЕТОВ ИЗ РОССИИ

Сплетен венок великодушной сплетней,
Мой ореол, мой нимб над головой
За то, что я без тяги родовой
Свободней всех, безженней и бездетней.

Речитатив становится заметней
Без вычурной оправы хоровой:
Один, веду рассказ немодный свой —
Торжественный, шестидесятилетний.

Нет ближнего, так дальние близки,
Взрастившие привитые ростки
В Австралии, в Париже, в Сан-Франциско.

И в третий раз на русские слова,
Пропетые в Бразилии, но близко,
Сонетами откликнулась Москва!

Е М Ш А Н

Сохранены для пришлеца чужого
Все почести и место впереди,
А свой, родной — смиренно подожди
На паперти собора брусяного.

«Бразилия, Россия» — и готово
Словесное плетение в груди:
Звени, латынь, и раньше проходи
Кириллицей придавленного слова!

Войдет она в распахнутую дверь,
Но, крадучись, и летопись потерь
Протиснется, печаль и ностальгия,

И пахнувший младенчеством емшан,
И в памяти подымет: «Россия,
Бразилия» — и замолчит орган.

ПИСЬМО В РОССИЮ

Различные широты нам даны,
Разогнанным по маленьким вселенным:
Здесь томный зной висит над морем пенным,
Там — мерзлота полярной стороны.

Здесь — карнавал и радужные сны,
Там — выкрики о вызове военном:
Не кажется и солнце неизменным,
И рознятся две чуждые луны.

Но, вопреки несовместимой были,
Мы издали друг друга полюбили:
Ты позовешь — я тотчас отзовусь.

Так ветхие преграды уничтожим:
Несходные Бразилию и Русь
В единый мир нерасторжимо сложим!

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Когда-нибудь в огромный зал дворца,
Что возведет всеильная наука
Для твоего незнаемого внука,
Преемника и деда, и отца,

В его лице участником конца
Войдешь и ты — твой сын тому порука —
И позовешь не слышавшего стука
Бездетного поэта-чернеца.

Взор обратив с неисцелимой грустью
К Бразилии — глухому захоластью,
Ты осмеешь пустое торжество:

— «Не тронуты судьбою бурелома,
Мне дали мир без друга моего
Товарищи из райского райкома».

СУДЬБЫ

Библейский бунтовал Денница,
коснея в зависти и зле,
но не сумел остепениться
и я на ветреной земле.

Он за свободное скольжение
в метафизические тьмы,
а я — за боль и унижение,
не поравну ль заплатим мы,
низринуты в провал Эреба
в последнем акте мятежа:
один с восьмого круга неба,
другой — с восьмого этажа?

ПО ГЛОБУСУ

По глобусу я странствовать люблю:
Вот выплыву на белой каравелле,
Вот обойду форты и цитадели,
Вот подойду к московскому кремлю.

Но эту страсть я и с тобой делю:
Хотел бы ты на дальней параллели
Свои мечты — пока еще не цели —
Препоручить колесам и рулю.

Зови меня, и я тебе отвечу:
Я вылечу, ты вылетишь навстречу
К экватору, к полудню и ко мне,

И встретимся среди морской стихии
В географу неведомой стране —
На острове Розилии-Брассии.

В 2040-м ГОДУ

В две тысячи сороковом году
(Прости просчет на три-четыре года)
В моей стране затеплится свобода,
И я туда, раскопанный, приду.

До той поры в одном твоём роду
Я затаюсь. Меня не тронет мода
И пощадит журнальная погода:
Ведь мертвые живут не на виду.

Тогда твой внук уложит в предисловье
Читу, Харбин, ученье, нездоровье,
Моих друзей — и деда своего.

Отверженный, заранее утешен,
Грядущее предвижу торжество:
Московский том «Валерий Перелешин».

С ГОРЫ НЕВО

Оставь меня, мой спутник, одного,
Пока закат не скрыт грядой туманной:
На лепоту земли обетованной
В последний раз гляжу с горы Нево.

Избрали мы не плен, а сыновство,
И сорок лет пустыней бездыханной
Брели сюда, и насыщались манной,
Ниспосланной от Бога самого.

Влекут меня заветные границы:
И мельницы, и башни, и бойницы,
Но должен я, по Божьему суду,

Остаться здесь. Чужой земному раю,
Бродягою бездомным умираю,
Но в этот край бессмертным я войду!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СССР	6
Родина	7
Равнина	8
«Ангара, снегопад, рекостав»	9
Урок	10
Карусель	11
Стыд	13
Первое мая	14
«Никакого отечества»	15
Образец	16
Слепой	17
Возвращение	18
В разные стороны	19
Рай	20
Оком Кассандры	21
Изгнанник	22
Пекин	23
Коринне Псакян	24
Сотый	25
Оглядка	26
Гостья	27
Ответ	29
Подкидная судьба	30
Полустанок	31
Сыновья	32
Вариации на тему	33
Блудный сын	34
Конь	35
Обратный сонет	36
В начале запоя	37
Дележ	38
Первое или тринадцатое?	39
Возвращенцу	40
Изгой	41
Сон	42

Вороны	43
Жребий	44
Разлад	45
Моим переводчикам (I)	46
Моим переводчикам (II)	47
Профсоюз	48
Две музы	50
Изгой	51
Непоследовательность	52
Девиз	53
Родинка	54
Возвращение	55
В зоологическом саду	56
Кругозор	57
«За свечой — в тени»	58
Зов	59
Три родины	60
При получении сонетов из России	62
Емшан	63
Письмо в Россию	64
Рай на земле	65
Судьбы	66
По глобусу	67
В 2040-м году	68
С горы Нево	69

